

АНАТОЛИЙ БАЙБОРОДИН

КРЕСТЬЯНЕ И ДВОРЯНЕ

Когда говорят “русский народ”, я всегда думаю “русский крестьянин”. Да и как же иначе думать, если мужик всегда составлял 80% российского народонаселения! Я, право, не знаю, кто он, богоносец ли — по Достоевскому, или свинья — по Горькому. Я знаю только, что я ему бесконечно много должен: ел его хлеб, писал и думал на его чудесном языке, и за всё это не дал ему ни соринки. Сказал бы, что люблю его, но какая же это любовь без всякой надежды на взаимность?..

Александр Куприн

Юрию Байбородину посвящаю

Пролог

Испокон православного русского века род в некоем колене являл молитвенника, Богом отсуленного: церковного иерея, смиренного инока — насельника святой обители, христорадного юрода, блаженного пророка, а ино и святителя, страстотерпца, праведника, кои в дольном и горнем свете замаливали грехи своей земной родовой, чая спасения и воскрешения из мёртвых, когда в ослепительном сиянии, в громе и молнии явится Творец на Страшное Судище судить живых и мёртвых.

Неизбежно рождался в некоем колене и выразитель рода, а по дару Божию, и — русского народа: вещий боян-былинщик, изустный и письменный сказитель, художник, вместивший в душу судьбу и горную мудрость родовой и по силе искусного дарования их запечатлевший. Вот и я сподобился в очерках, повестях и сказах, сплетая былицы с небылицами, любовно изукрашивая, запечатлеть род в материнских и отеческих ветвях, но, увы, лишь бегло ведомых да живые зримых. А ныне худо-бедно дошёл до ума очерк о родове, давнишний, с летами выросший до очеркового повествования и — не столь о роде, сколь о народе, его исторической судьбе, его сословной брани и любви.

Ветлужский князь Никита Байборodin

Словно царственный листвень, подточенный инославными и доморощенными короедями, со вселенским гулом рухнула великодержавная рабоче-крестьянская власть, и в российской “образованщине”, наемни бранящей самодержавие, пенисто взыграла монархическая кровь; ошалело кинулись сыны рабочих и крестьян откапывать родовые и сословные деревья, жадно нашаривая в толще веков дворянские корни. И редкие уже, как при Советах, гордились крестьянскими, а уж тем паче — рабочими корнями.

Лишь народные писатели, подобные Распутину, Белову, остались верны сельскому роду-племени, словно свыше им было велено лелеять и оберегать в душе родовую память. Для того и явлены в русский мир, для того и отсулен дар сказовый, чтобы запечатлеть на века народную жизнь в её мучительных раздумьях, неизреченных горестях, отчаянных падениях и величавых духовных и душевных взлётах. Посреди российского окаянства, словно оттепель в крещенскую стужу, — родовые хроники народных писателей, в коих не зарисовано подлинно и кропотливо фамильное древо, но с сыновней и отеческой любовью, песенно и живописно запечатлелась жизнь рода — суть народа, — в святости и немочи, в радости и горе.

Но вокруг народных писателей — властвующее и воинствующее безродство и беспамяństwo, и глас писательский — глас вопиющего в пустыне, и не может пробиться к народу. Хотя даже суровые натуралисты, не ведающие национально-родовой гордости, не вздымающие к высокому русскому небу понурой головы, отяжелённой “безумной” дольней мудростью, и те многодумно глаголили: лишь дурак учится на своих ошибках, мудрый — на чужих, а чаще — на отцовских и дедовских. И для сего потребна память родовая. Народоведы Афанасьев и Буслаев, любовно и вдумчиво постигавшие русскую семью, настойчиво твердили: “Мудрость предков помогает избежать многих ошибок, так свойственных молодым... Отцовское проклятье иссушит, а материнское искоренит...”

Без родовой мудрости земной и небесный путь потомков — в чёрной безлунной и беззвёздной ночи широкая и гладкая дорога, ведущая “...во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов” (Мф. 8:12). Жива и поучительна древняя легенда, бродячий сюжет которой, возможно, бытовал и в славянских племенах. Согласно легенде, степное скотоводческое племя, пережив великую засуху и мор, надумало кочевать в далёкие, щедрые земли. Велел молодой вождь, жестокий варвар, обогреть жертвенной кровью дорожный посох, истребить стариков и старух, кои обуза в долгом и трудном кочевье. Так и поступили язычники и тронулись в путь... Трижды городились поперёк неизвестного пути гибельные препятствия, и никто из молодых соплеменников не мог дать вождю спасительного совета, и лишь юный кочевник трижды выручал племя. И тогда вождь спросил юношу: “Неужели ты мудрее всех в племени, хотя и молод летами?” Пал юноша в ноги вождя и покаялся, что не сгубил отца, и отче мудрыми советами трижды спас племя. Крепко задумался молодой вождь...

Но речено Иисусом Христом: “Аз пошлю к вам пророки и премудры и книжники: и вы иных убьете и распнете, и иных бьете на сонмищах ваших, и изженете из града в град” (Мф. 23:34). Словом... Нет пророка в родном Отечестве, и вчерашние пастухи и скотники, забыв деревенскую родовую, махнув рукой на мать и отца, отгордились крестьянскими корнями и прямо из коровьих стоек и прелых сеновалов, с избяных завалинок полезли в белоперчатное барское сословие.

Переживший романтизацию Красной армии, на исходе двадцатого столетия налюбования я на белогвардейскую и дворянскую романтику, здоровался за ручку с новоявленным князем N., ярым дворянским монархистом. Ложат ли у того под сукном родовые княжеские бумаги, не вем, но, бывало, увижу князя, убелённого ранней благородной сединой, церемонно, с чистопородным псом гуляющего по ангарской набережной, — увижу барина, и мужичьи ноги мои подгибаются, впору пасть на колени и возопить: “Ваше благородие, не велите казнить, велите слово молвить!...”

Смеха ради говорено: предки мои по отеческому кореню, богатые скотоводы, скотогоны, справлявшие ямщину по бескрайнему Забайкалью, не отдававшие крепостного права, аще и кланялись, рабы Божии, то лишь пред

ликами Царя Небесного и Пречистой Его Матери, пред образами святых угодников и чудотворцев, страстотерпцев и преподобных, богоносных отцов наших. Кланялись святости да гнули выи, видя попа либо государева чиновника, а дворян, коих по Сибири мало водилось, могли и осадить сибирским словом, ежели те кичились сословной породой.

Помню, в разгар фермерской суеты и маеты некий знакомец вдруг вспомнил, что он из крупнопоместных столбовых дворян, и купил за большие деньги... по слухам, наследственные, из-за бугра... землю под барскую усадьбу. И помню, я да приятель-писатель, тоже из крестьян, собравшись за дачным чаем, спорили с новоиспечённым помещиком о русских сословиях, понося дворян, лубочно вознося крестьян. Помещик хвалился: “Дворянство породило классическое искусство, науку, явило Отечеству великих полководцев и вельмож, а крестьянство — дурь и пьянство”. Мы, крестьяне, возопили, горестно всплескивая руками: мол, а двухтысячелетнее, необозримое и сверхгигантское поэтическое творчество крестьян, которому “классическое” в подмётки не годится?! Спорили до драки — чудом не вспыхнула гражданская война! — спорили до хрипоты, не внимая друг другу и не понимая, словно ревели на разных языках. И помнится, барин грозился: “Коль мы, дворяне, вновь ухватим российскую власть, то вашего брата, мужика, будем пороть нещадно, дабы не лез со свиным рылом в калашный ряд. Знай сверчок свой шесток! Три шкуры спустим. Иначе от вас, мужиков, добра не видать”.

Развернулись мы с приятелем-писателем и хлопнули дверью.

А завершилась фермерская эпопея столбового дворянина катастрофой: прогорел дотла барин, и даже получил прозвище Катастрофа, но виновным, опять же, вышел нынешний хмельной и завистливый мужик, коего, увы, не удалось высечь.

А тут еще среди моих журналистских приятелей является и финский барон Павел Хемпетти, с которым в молодые лета изрядно попили мы крепкого чайку с хлебцем. Если Паша — барон, отчего и мне не прослыть князем?..

Вот и я, деревенский катанок, выходец из забайкальских скотоводов и скотогонов, смеха ради потряс фамильное древо: вдруг свершится чудо, падёт на голову сладкий плод, и я, смерд, угожу в бояре або графья.

Взял библиотечную пыль до потолка и в словаре по ономастике академика Веселовского вызнал-таки, откуда есть пошла и что значит фамилия моя — **БАЙБОРОДИН**: “Байборода. Байбородины: Авсентий Байборода — 1406 год, Псков. Борис Байбородин, крестьянин, — 1624 год, Нижний Новгород. Байборить — болтать, пустословить. Байбора — болтун, пустомель (В. Даль). Байбора — шаль, бесценнок, дешевизна. Купить за байбору”^{*}.

Не шибко глянулось: у приятелей в древе графья да князья, а у меня только и родни — мужики одни, да к сему и пустомели... Словно крот, зарылся я глубже в родовую ниву и выкопал... Мой забайкальский земляк из старовееров-семейских, доктор исторических наук Фирс Федосович Болонев прислал архивную выписку: “Город ли Кидиш, что во дни стародавние от *погани рати*” спасён был Ильёй Муромцем, славный ли город Покидыш, куда ездил богатый Суroveň-Суздавец гостить-пировать у ласково князя Михаила Ефиментьевича, не отсюда ли ветлужский князь Никита Байбородин чинил набеги на земли московские, пробираясь лесами до Соли Галицкой...”

Ого!.. Выяснил: князь Никита Байбородин — князь не былинный, и записи о нём были в 1350–1373 годах. Почитал о варначьих набегах лихого предка, смутился, но и тут же почуял себя князем, ибо, как река вытекает из таёжной бочажины, так и в истоке фамилии един род, пустивший бесчисленные, потерявшие родство ветви. Словом, азъ есмь князь, и моя корявая деревенская обличка обрела дворянскую статью и важность, осталось лишь завести псарню, бухарский халат, трубку с длинным чубуком, дуэльные пистолеты, а к пистолетам — даму сердца, бледную графиню, чтобы стреляться с её обветшавшим графином... Ох, “как упоительны в России вечера”: укутался в соболью доху и погнал извозчика в барский притон, где шампанское — пенистой рекой, где цыганы любодейно звенят на гитарах, где цыганки, сверкая адскими очами, сладострастно трясут плечами... Не жизнь — малина... .

А тут ещё нежданно-негаданно в архивных бумагах появляется и другой мой родич — опять же Никита Байбородин, но уже боярский сын, воевода Ир-

^{*} “Ономастика” под редакцией С. Б. Веселовского. М., Наука. 1969.

кутский (архив Академии наук СССР и ЦГИА СССР из фонда Герарда Фридриха Мюллера). В архивах семнадцатого-восемнадцатого веков – “Списки Сеуленинской и Нерчинской комиссий” – хранятся прошения и челобитные тунгусских (по иным историческим сведениям – даурских) князей Гантимуровых, перешедших в русское подданство при царе Фёдоре Иоанновиче. Одна из челобитных как раз и обращена к иркутскому воеводе, сыну боярскому Никите Байбородину, чтобы его, Алексей Гантимурова, вместо умершего отца Лариона оставили в том ранге, в коем был отец. Тунгусский князь просит “приверстать ево по Нерчинску в дворяне и привести ево Гантимурова к присяге и учинить бы ему оклад денег 40 рублей, хлеба 40 четвертей, овса тоже, вина 20 вёдер”. Боярским сыном Никитой Байбородиным “1728 года марта 12 дня сын Гантимуров к присяге приведён в Иркутске и подушная запись взята”.

На боярских радостях, не ведая, что боярский сын – суть холоп боярский, прикинул я хвост к носу: а не заглянуть ли к губернатору да и к владыке на чай, не испросить ли согласно благородного рода хлеба, овса и дюжину вёдер вина, да и портфель... не парусиновый – кожаный, а к портфелю жалование, – чай, не серая кость, сын боярский, потомок воеводы Иркутского.

Впрочем, мелю, Емеля, потехи ради, поскольку нету на руках бумаг, где чёрным по белому, с гербовым клеймом намертво начертано: ветлужский князь Никита Байбородин и боярский сын Никита Байбородин мои пра-пра-пра...; а на нет – и суда нет, без бумажки ты букашка, а уж тем паче, не князь и не боярский сын. Паши и перепаживай архивные залежи, а всё одно: отеческая и материнская родова моя, к скорби, изведенная лишь до дедова колена, – воспетые мною в повестях и бывальщинах забайкальские мужики и бабы, коих и за сладкие калачи не променяю на дворян. Мой умудрённый деревенский родич так молвил: “Оно и слава Богу, что не угодили в роду графья да князя: дворяны – смутьяны... Кичился по-французски дворянин, пока не дал ему по шее крестьянин...” “Вольнолюбивое” русское дворянство в XIX веке ослабло в православно-самодержавном духе, заразилось западноевропейским безбожием и либерализмом, засеяв в русскую землю семья грядущей кровавой смуты. Но... за что боролись, на то и напоролись: в начале XX века дворяне, подобно шаткому духовенству, кровью смыли грехи перед родным народом и всяк перед своим родом.

Колхозник граф Толстой

Смешны и грешны те, кто кичится породистым, немужицким происхождением; а праведней бы скорбеть, что не уродился мужиком. Да, русские дворяне жили жизнью, чуждой крестьянству, возвращенному в православном домострое; дворянская жизнь казалась мужикам порочной, но избранные дворяне чтили крестьянство, и великие дворянские писатели – Пушкин, Гоголь, Лесков, Толстой, Достоевский – постигали и воспевали крестьянский мир, а граф Толстой и вовсе мечтал окрестяться.

Максим Горький, навещавший Льва Николаевича в Ясной Поляне и натуралистично запечатлевший их встречи, писал: “Гуляли в Юсуповском парке. Он великолепно рассказывал о нравах московской аристократии. Большая русская баба работала на клумбе, согнувшись под прямым углом, обнажив слоновьи ноги, потягивая десятифунтовыми грудями. Он внимательно посмотрел на неё. “Вот такими кариатидами и поддерживалось всё это великолеpie и сумасбродство. Не только работой мужиков и баб, не только оброком, а в чистом смысле кровью народа. Если бы дворянство время от времени не спаривалось с такими вот лошадьми, оно уже давно бы вымерло. Так тратить силы, как тратила их молодёжь моего времени, нельзя безнаказанно. Но, перебившись, многие женились на дворовых девках и давали хороший приплод. Так что и тут спасала мужицкая сила. Она везде на месте. И нужно, чтобы всегда половина рода тратила свою силу на себя, а другая половина растворялась в густой деревенской крови и её тоже немного растворяла. Это полезно”.

Помнится, на исходе прошлого века в граде Иркутском полыхало осеннее “Сияние России”, – традиционные “Дни русской духовности и культуры”; и по приглашению писателя Валентина Распутина в губернской столице гостил Владимир Толстой – прямой потомок великого писателя.

Когда мы беседовали с графом Толстым, моё бедное воображение — из мужиков же! — явило мне убогую киношную картину родового поместья: в тени вековых дубов и вязов — дом с мезонином, белыми колоннами и лепными амурами; у парадного крыльца стража — два беломраморных льва, а далее — цветочная оранжерея, где дворник подрезает розы, плетёная беседка, увитая плющом, таинственный пруд с горбатым мостиком и белыми цветами-купувами на зеленоватой водной глади и тёмные аллеи, присыпанные красным зернистым песком; а в доме — вечернее чаепитие, и камердинеры, наряженные пуше генералов, в париках и белых чулках, церемонно подают чай; бледная графиня музицирует, старый граф дремлет в креслах... За чайным столом, вообразилось, красуется и граф Владимир Ильич... В пору далёкого иркутского гостевания, молодой, с не увядшим отроческим румянцем, Владимир Ильич Толстой, праправнук Льва Николаевича, имел явные признаки благородного происхождения, как живописали дворяне в сентиментальных романах; порода, кою не утаишь и под ветхим рубищем, светилась в тонких очертаниях рта, носа и ясного, высокого, с ранними залысинами лба, и даже в плавном и чётком московском говоре, в книжно выстроенной речи; но, перво-наперво, мягкое, мудро-снисходительное, обходительное поведение с ближними, присущее истинно благородным натурам, из какого бы сословия они не вышли.

Владимира Ильича пригласили для беседы школьники городской гимназии, а я сподобился сопровождать и представлять потомка великого писателя. По-черепашьи ползли мы на крохотном автобусишке по улице Большой (язык не поворачивается назвать её улицей Карла Маркса), и я переживал: явятся ли школяры на творческую встречу? Не разбегутся ли после школьного звонка? Ибо случилось, приходили московские писатели в библиотеку, а там — шаром покати.

После встречи сподобился я толковать с Владимиром Ильичом о родовой памяти, сословной породе и дворянской спеси.

— Владимир Ильич, Ваш знаменитый предок, судя по дневникам и письмам, тяготился графским происхождением, барским положением, когда на барина пашут в поте лица крестьяне. Тяготясь барством, в коем писатель видел иждивенчество, Лев Николаевич призывал к аскетизму, опрощению, омужичиванию, и своеручно пахал землю, сеял хлебушек, учил деревенских ребят. Словом, графским происхождением сроду не кичился. В отличие, скажем, от Ивана Бунина, обнищавшего дворянина, смахивающего на разночинца, что носился с благородным происхождением, яко с писаной торбой. Думаю, и Вы, Владимир Ильич, не кичитесь графским происхождением?

— Какая может быть кичливость, — отмахнулся Владимир Ильич, — если я родился и вырос в рабоче-крестьянском государстве, если я жил романтическими идеалами той эпохи. Пел на пионерских сборах: “Взвейтесь кострами, синие ночи, мы пионеры, дети рабочих...” И комсомол не миновал, и даже сотрудничал с комсомольским изданием в качестве журналиста. Но, не скрою, про себя всё же горжусь старинным графским родом. В конце концов, породистая собака, — скажем, гончая чистых кровей, — она всегда гончая. И ценность её благородной породы не в том лишь, что она чистокровная, а в том, что в силу этого она прекрасная охотничья собака. А посему истинный русский дворянин — это не просто порода, это не завсегда дворянских собраний и помещичьих балов, это не скачущий, модный денди, убегающий от скуки за границу; нет, истинный русский дворянин — это, перво-наперво, добрый и мудрый посредник меж государевой властью и простолюдином, как раз и отстаивающий интересы своих крестьян перед государевой властью, перед чиновниками. За это крестьяне его и содержали. Так в идеале задумывалось дворянское сословие.

Соглашаясь с графом Толстым о сословном замысле средневековой русской монархии, для подтверждения привожу мысль, вычитанную у владыки Иоанна (Снычева), митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского: “Русское сословное деление, например, имело в своём основании мысль об особенном служении каждого сословия. Сословные обязанности мыслились как религиозные, а сами сословия — как разные формы общего для всех христианского дела: спасения души. И царь Иоанн IV все силы отдал тому, чтобы “настроить” этот сословный организм Руси, как настраивают музыкальный инструмент, по камертону православного вероучения. Орудием, послужив-

шим для этой нелегкой работы, стала опричнина”. Из опричнины и рождалось служивое дворянство...

– Крепкие, ещё не развращённые дворяне, – продолжал Владимир Ильич, – похожие на описанных Львом Толстым Болконских, Пьера Безухова, Наташу Ростову, – глубоко русские по духу люди, в какой-то мере даже и романтики, почитающие за честь сложить голову за веру, царя и Отечество, любящие родной народ, мечтающие ему послужить. А коль были глубоко образованы, то и несли народу просвещение...

Отвлекаясь от монолога Владимира Ильича, вспомнил о демонизации дворянства в советской историографии и художественной литературе, что, возможно, отразилось и на моём разумении, хотя, ныне понимаю, светлые сыны дворянского сословия с отрочества мечтали о великом и жертвенном служении родному русскому народу. Свидетельством тому запись Льва Толстого в юношеском дневнике: “Если пройдёт три дня, во время которых я ничего не сделаю для пользы людей, я убью себя...” Но прежде чем содейть нечто полезное для людей, нужно знать, что именно им полезно, что вредно, человекоугодно, а не богоугодно, но сам порыв молодого графа прекрасен. И всю грядущую творческую жизнь Лев Николаевич посвятил служению народу, преклоняясь перед простолюдьем, кое о ту пору имело крестьянское сословное происхождение, и ярко, с сыновьей любовью, восхищённо и со-страдательно воспевая простолудье в художественных своих произведениях.

Лишь на творческом закате писатель отходит от народно-православного миропонимания, ибо, увы, у великих – великие заблуждения. Исполинское книжное знание, глубинное постижение мировых мистических учений и дольней (земной) мудрости, что безумие для мудрости горней (божественной), смутили в душе по-детски ясный, светлый христианский дух, породили сомнения в истинности Святого Писания и Священного Предания, породили крайне неприязненное, даже брезгливое отношение к Русской Православной Церкви, что выразилось в нашумевших статьях. По суждениям снисходительного и незлопамятного духовенства, великий гений разбился о скалу великой гордыни; а Василий Розанов, отмечая высочайший христианский дух художественных произведений Толстого, скорбел: де, напрасно Лев Николаевич из художников сломя голову кинулся в проповедники, в нравственные учителя. Впрочем, в толстовском обличении духовенства таилась и доля правды: грехопадение русского народа, в том числе и духовенства, породившего еретическое обновленчество, оказалось столь велико, что породило братоубийство, – кару Господню. Писал же Иван Ильин: **“Революция есть духовная, а может быть и прямо душевная болезнь”**. Но о неприязненных отношениях Толстого и русского духовенства подробно в ином очерке; а ныне я вопрошаю Владимира Ильича:

– И как Вы и все ныне здравствующие Толстые к тому относитесь, что Ваш великий предок и по сей день отлучён от Церкви?

– Мы все молимся за него, за спасение его души. Вероятно, в последние дни своей жизни он и шёл в Оптину пустынь к старцам для покаяния. Господь ему простит...

– Конечно, вам, близким его родичам, нелегко об этом говорить... Вообще, писатели той поры очень своеобразно относились к Толстому – в том числе и сословно – и своим отношением чаще всего выражали не столь Льва Николаевича, сколь дух свой. Достоевский, признавая писательский гений Толстого, не воспринимал его “духовного учительства”, Горький – талантливый певец бичей, романтических бродяг и путаных разночинцев – в очерке о Толстом с едкой иронией развенчивал нравственное учение писателя: после моральных назиданий, поучений, гуляя в саду, старец якобы засмотрелся на дворовую бабу, подоткнувшую подол. Есенин, женившись на Толстой, постоянно угнетался культом седовласого мудреца, царящим в доме. Иван Бунин, порой заносчивый и ворчливый, брезгливо относился к романам Достоевского, хотя и ценил описания слякотного Петербурга, а по поводу творчества Толстого, коего горячо любил, скорбел: де, если бы он переписал “Анну Каренину”, то роман бы вышел живее, талантливее в художественном смысле. Бунина величают блестящим стилистом, хотя, на мой взгляд, его превосходили Гоголь, Лесков, Платонов, Шмелев, Шолохов, Куприн, дивно владевшие не токмо художественным образом, но и сословными разговорными стилями.

Мы ещё говорили с графом Толстым про то, как сложилась судьба детей, внуков и правнуков Льва Николаевича. Владимир Ильич поведал...

— Я родился в подмосковном селе Троицком, куда приехал из эмиграции мой дед, тоже Владимир Ильич. И работал он там в колхозе...

— ... в качестве агронома?

— ... в качестве колхозника...

— Да-а... потешно звучит: колхозник граф Толстой...

— Главным агрономом мой дед Владимир Ильич работал в Югославии, будучи эмигрантом. Там он возглавлял сельскохозяйственную общину. А уж вернувшись в Россию, так до конца жизни и отработал в колхозе... Но был знаменит тем, что заложил фруктовый сад; на нескольких гектарах земли цвели и плодоносили яблони, вишни, сливы. Прекрасный сад, который после смерти деда зачем-то вырубил. Это одно из самых мрачных впечатлений моего детства, когда яблони и груши корчевали. Дело случилось по весне, когда деревья пышно цвели. Пришли люди — воистину, чернь! — пригнали трактора с крючьями и деревья выдергивали с корнями, потом свозили в кучу. Это было тяжёлое душевное потрясение, и хотя прошло уже много лет, а душа и по сей день ноет. Землю распахали и посадили там кормовую брюкву, а потом и вовсе бросили поле, и оно заросло бурьяном. А сейчас там выросли многоэтажные коттеджи, где поселились нынешние толстосумы. Новое сословие, а как уж его величать, не ведаю... Такие коттеджи отгрохали, какие не снились даже членам Политбюро и дворянам, кроме великосветских и придворных.

“Не позазрите просторечию нашему...”

Мужик, что уж греха таить, страдал от социального неравенства, чуял, что для бар-дворян он дерёвня тёмная, недоумок, рабочая скотина, чёрная кость. И крестьяне, в свою очередь, недолюбливали дворян, а заодно и интеллигенцию, поскольку они, по мужичьему разумению, задурили от праздности, погрязли, не каюсь, в грехах и пороках, сами свихнулись от книжного учения и безбожия и народ пошли булгачить. **“Сущность катастрофы духовна. Это есть кризис русской религиозности”**, — сказал Иван Ильин. И мнение крестьян о “просвещённом” обществе совпало с мнением святых отцов русской Православной Церкви. Вспомним суровые слова святого праведного Иоанна Кронштадтского, кстати, обличавшего ересь толстовскую: “Не стало у интеллигенции любви к Родине, и она готова продать её инородцам, как Иуда предал Христа злым книжникам и фарисеям, уже не говорю о том, что не стало у неё веры в Церковь, возродившей нас для Бога и небесного отечества; нравов христианских нет, всюду безнравственность (...). По причине безбожия и нечестия многих русских так называемых интеллигентов, сбившихся с пути, отпадших от веры и поносящих её всячески, поправших все заповеди Евангелия и допускающих в жизни своей всякий разврат, — русское царство есть не Господне царство, а широкое и раздольное царство сатаны, глубоко проникшее в умы и сердца русских ложно учёных и недоучек, и всех, широко живущих по влечению своих страстей и по ложным, превратным понятиям своего забастовавшего ума, презиращего Разум Божий и откровенное Слово Божие (...). Если в России так пойдут дела, и безбожники и анархисты-безумцы не будут подвержены праведной каре закона, и если Россия не очистится от множества плевел, то она опустеет, как древние царства и города, стёртые правосудием Божиим с лица земли за своё безбожие и за свои беззакония (...). Держись же, Россия, твёрдо Веры своей и Церкви, если хочешь быть непоколебимой людьми неверия и безначалия и не хочешь лишиться царства православного. А если отпадёшь от своей веры, как уже отпали от неё многие интеллигенты, то не будешь уже Россией или Русью Святой, а сбродом всяких иноверцев, стремящихся истребить друг друга”.

Народное — суть крестьянское — искусство, коему двадцать столетий, кое, словно Вселенная, необозримо и сверхгениально, душевно и духовно вечно противостояло дворянскому искусству. Если в дворянском обезбоженном искусстве случались таланты и от демона, а нередко — мировозренческая смута, “безумная” мудрость земная, то устное народное искусство, выраженное в былинах, поэмах-плачах, мифах, преданиях, песнях, после Крещения

Руси освобождаясь от язычества и суеверий, — в любви и сострадании к брату, сестре во Христе нередко восходило к поучениям святых отцов. Впрочем, по слову родных народной поэзии и сами поучения иных русских боголюбцев и православных старцев, коль те, подобно апостолу Петру, вышли из простолюдыя и не горазды были в письменной грамоте, а посему и не писали, а рекли поучения народным, пословично-поговорочным слогом.

Есенин — по духу вечный крестьянин — поэзией и судьбой ярко выразил противостояние двух сословий. Хотя Есенин — натура предельно противоречивая, — изображая из себя аристократа, щеголяя в английских костюмах, в то же время по-мужичьи глухо презирал аристократов. Всеволод Рождественский пишет о том, как однажды крестьянские поэты Клюев и Есенин были приглашены в дом графини Клейнмихель, “представительницы одного из крайних монархических течений”: “В великолепном особняке на Сергиевской собралось общество, близкое к придворным кругам. За парадным ужином, под гул разговоров, звон посуды и лязг ножей, Есенин читал свои стихи и чувствовал себя в положении ярмарочного фигляра, которого едва достаивают высокомерным любопытством. Он сдерживал закипающую в нём злость и проклинал себя за то, что согласился сопутствовать Клюеву”.

А будучи санитаром в госпитале Царского Села, Есенин имел честь читать патристические стихи царице и царевнам, о чём опять же поминал с сословной неприязнью: “Я читаю, а они вздыхают: “Ах, это всё о народе, о великом нашем мученике-страдальце...” И платочек из сумочки вынимают. Такое меня зло взяло. Думаю: что вы в этом народе понимаете?”

Иногда мужичья спесь, сословная неприязнь Есенина к аристократии обретала утробную злобу: “Посмотрим — // Кто кого возьмёт! // И вот в стихах моих // Забила // В салонный, выхолощенный // Сброд // Мочой рязанская кобыла. // Не нравится? // Да, вы правы — // Привычка к Лориган // И к розам... // Но этот хлеб, // Что жрёте вы, — // Ведь мы его того-с... // Навозом...”

Разумеется, среди аристократов случались исключения, их исключительность лишь в том и заключалась, что они пытались если и не образом жизни, то хотя бы духом посылно приблизиться к народному — суть крестьянскому духу. Величие избранных дворянских писателей и выразилось в способности, преодолевая сословные уложения, сблизиться душой и словом с духом народообразующего сословия — с крестьянством.

Пушкин лишь потому и возвысился над блистательными поэтами “золотого века”, что стал русским народным, а значит, и великим русским поэтом. Достоевский писал: **“И никогда ещё ни один русский писатель, ни прежде, ни после его не соединялся так задушевно и родственно с народом своим, как Пушкин (...). Пушкин любил народ не за одни только страдания его. За страдания сожалеют, а сожаление так часто идёт рядом с презрением. Пушкин любил всё, что любил этот народ, чтит. Он любил природу русскую до страсти, до умиления, любил деревню русскую. Это был не барин, милостивый и гуманный, жалеющий мужика за его горькую участь, это был человек, сам перевоплотившийся сердцем своим в простолюдина, в суть его, почти в образ его...”** О душевном, поэтическом слиянии дворянина Пушкина с крестьянским миром можно судить по героям “Повестей Белкина” и даже по образу Татьяны Лариной. А уж сказки Пушкина полноправно вошли в сокровищницу письменной и устной народной поэзии — сказки, услышанные от деревенских стариков и старух, и перво-наперво — от няни Арины Родионовны, потомственной крестьянки.

Пушкин стал предтечей народной литературы двадцатого века, прозванной “деревенской”, коя по отношению к дворянской ещё по достоинству не оценена, ибо “лицом к лицу лица не увидать — большое видится на расстоянии”. Русская литература — воистину, нет худа без добра! — лишь выиграла при народной власти, отменившей сословия. Иначе и не прошиблись бы в читающий мир литературные таланты из мужичья: Есенин, Шолохов, Шергин, Абрамов, Носов, Астафьев, Шукшин, Рубцов, Белов, Распутин, Личутин. Прекрасно о величии простонародья, которому советская власть, преодолев сословные препоны, открыла все парадные подъезды, сказал Василий Шукшин: “Да если хотите знать, почти все знаменитые люди вышли из деревни. Как в чёрной рамке, так смотришь — выходец из деревни. Надо газеты читать!.. Што ни фигура, понимаешь, так выходец, рано пошёл работать”.

Оборони Бог крестьянство царское, а паче — колхозное живописать лишь розовым цветом, рисовать лубочную идиллию с пастушком Лелем. И крестьянский мир угнетали тяжкие немочи, присущие сословию: буйные, порочные страсти, особо во хмелю; смирение, порой переходящее в холопство; календарно-бытовое “обмирщение” святых, тёмные суеверия, порой и подменяющие, искажающие веру православную. Но о сём были написаны горы книг, обличающих крестьянскую темь и дичь.

Советская Империя, упразднив дворянство, пыталась изжить и сословное понятие *крестьянин*, заменив его *колхозником*. Нарождалось и доселе неведомое сословие — **служащие**: простонародье из крестьян и рабочих, вдохновенно и азартно обретая книжную грамотность, а потом и учёность, явилось во власть и, как в искусстве и науке, превзошло дворян талантливостью и трудолюбием. И сие сословие — **служащие**, — благо, созидалось оно не по “кровному родству” и “фамильному древу”, но по дарованию и жажде **служить** России, — напоминало опричнину царя Ивана Грозного.

Словно взорванный собор, со вселенским грохотом рухнула Россия, и сникли “чада солнца”, воцарились “дети тьмы” — лукавое “сословие” мошенников-“менеджеров”, мертвотушных, но похотливых и прожорливых, сожравших народное добро, словно саранча посева. Лукавое “сословие” испокон веку на Руси водилось: то буйно плодилось, то испуганно таилось, — скажем, в эпоху Иосифа Сталина. Но лишь в нынешнем веке “лукавое сословие” воцарилось на российском престоле, вторглось — враги же! — в народные души, внушая похоти вместо любви к Вышнему и ближнему. “По причине умножения беззакония во многих охладает любовь...” (Мф. 24-12). Студеные сумерки пали на Землю Русскую... Но... сколь свиреп натиск врага рода человеческого, столь и яростна оборона: русские огоньки, мерцающие в сумерках, сияли всё ярче и ярче, словно в небе зажглись Христовы свечи, освещающая извилистую, узкую тропу к спасению.